

Публикация А. С. Пученкова, А. В. Сушко, Д. И. Петина

«Всем говорите, что мое путешествие очень опасное...»: письма генерала А. Н. Гришина-Алмазова его супруге (осень 1918 г.)

**Пученков
Александр
Сергеевич**

доктор исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

**Сушко Алексей
Владимирович**

доктор исторических наук, профессор,
Омский государственный технический университет (Омск, Россия)

**Петин Дмитрий
Игоревич**

кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный технический университет; главный архивист, Исторический архив Омской области (Омск, Россия)

Алексей Николаевич Гришин-Алмазов (1880–1919) — одна из самых ярких и незаурядных фигур в истории российской Гражданской войны. Управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства и легендарный одесский диктатор оставил о себе по-настоящему долгую память. Все важнейшие события его жизни уместились в последний ее год — 1918/19. Пиком политической карьеры Гришина-Алмазова был, конечно, короткий, но очень насыщенный и вместивший в себя целую жизнь период пребывания на посту диктатора Одессы, подробно освещенный в работах одного из авторов этой публикации¹. Был ли генерал только «хвастливым авантюристом», как утверждает московский исследователь В. П. Булдаков², или же масштаб личности «одесского Наполеона» не был по-настоящему осознан современниками? И то и другое. Несомненно, что Гришин-Алмазов выделялся на фоне других деятелей контрреволюционного стана: в нем имелись и решительность, и ум, и способность принимать на себя ответственность за непопулярные решения. Не было в нем лишь двух качеств, которые позволяли другим героям русской смуты дольше, чем это удалось Гришину-Алмазову, выживать в водовороте революции: врожденной циничной жестокости и удачи. Судьба, которая почему-то посчитала необходимым вывести Гришина-Алмазова на уровень общероссийского масштаба,

отвела ему слишком мало времени. Может быть, это и было для него своеобразным подарком: Алексею Николаевичу не суждено было увидеть краха белого дела, которое он, несомненно, искренне считал олицетворением национальной России; не познал он и горечи изгнания, нищеты и забвения. Уникальность биографии Гришина-Алмазова заключается, на наш взгляд, в ее абсолютной законченности: Алексей Николаевич погиб тогда, когда его имя было у всех на слуху, еще при жизни его слава была легендарной; человек, которого многие обвиняли в склонности к трагифарсу и позерству, принял свою смерть настолько мужественно и храбро, что развеял все сомнения скептиков в закономерности его невиданно быстрого взлета. Смерть Гришина-Алмазова в чем-то была продолжением его яркой и насыщенной событиями жизни. Вряд ли следует причислять Гришина-Алмазова к типичным «авантюристам Гражданской войны»: он никогда не был сумасбродом, подобно И. Л. Сорокину, садистом, как В. Л. Покровский, или потерявшим всякие нравственные ориентиры «наполеончиком», каким был М. А. Муравьев. Скорее, можно говорить о том, что из бесконечной череды фантастически преуспевших «героев» Гражданской войны лишь успех Гришина-Алмазова был более или менее неслучайным — пожалуй, у него имелись все данные для того, чтобы достигнуть определенных высот и в обычное время, а не в период *внегосударственного хаоса*. Перед нами — трагическая и яркая судьба несомненно талантливого и умного русского офицера, безусловного патриота; Гришин-Алмазов — еще одна жертва прекрасной и безжалостной колесницы под названием Великая русская революция.

Еще до Одессы — в Сибири — Алексей Николаевич проявил себя как крайне незаурядная личность: молодой офицер сумел создать сильную армию и проявил качества «деятельного и умелого военного организатора»³. В Сибири, однако, Гришин-Алмазов не прижился. Желая продолжить борьбу с большевиками, генерал принимает решение уехать в Добровольческую армию генерала А. И. Деникина, до которой ему с огромным трудом удалось добраться после поистине кинематографических приключений⁴. Из белого Екатеринодара Гришин-Алмазов был командирован Деникиным в Яссы для участия в совещании русских общественных деятелей, на котором он сделал доклад о положении в Сибири⁵. Из Ясс Гришин-Алмазов прибыл в Одессу, где быстро заявил о себе, дав интервью представителям местной прессы, в котором изложил свою программу борьбы с большевизмом. Если все сложится благоприятным образом, подчеркнул генерал, «к будущей осени вся Россия будет освобождена от большевиков»⁶. По утверждению Гришина-Алмазова, большевизм может быть сокрушен лишь при условии существования «соответствующей вооруженной силы», начало которой «у нас уже есть в лице Добровольческой армии»⁷. В декабре 1918 г., после драматических событий, начался короткий период военной диктатуры Гришина-Алмазова в Одессе, куда прибыл «ограниченный контингент» французских войск — интервенты.

Будучи по природе своей сильным и независимым, в чем-то даже, пожалуй, капризным человеком, Гришин-Алмазов, подобно, кстати, А. И. Деникину, в деле установления с французами прочных и добрых отношений не преуспел. Незадолго до падения города Гришин-Алмазов был выслан французами из Одессы⁸, в Екатеринодаре генерал обласкан Деникиным и отправлен им в Сибирь в качестве личного эмиссара для передачи адмиралу А. В. Колчаку важных бумаг. Однако

встреча бывшего одесского диктатора и верховного правителя России так и не состоялась. 5 мая 1919 г. пароходик «Лейла», на котором следовал генерал, был настигнут красными в водах Каспийского моря, а сам Гришин-Алмазов застрелился, не желая попасть в руки большевиков. Так закончилась жизнь этого «незаурядного русского офицера, которому пришлось жить и бороться в смутное и страшное время кровавого междоусобья», — писал биограф Алексея Николаевича М. Ивлев⁹.

Думается, что нельзя в полной мере согласиться с мнением историка сибирской контрреволюции В. И. Шишкина, по утверждению которого биография Гришина «вызывает интерес не только по причинам сугубо личного характера: его необычным карьерным взлетом и еще более странным падением»¹⁰. Ничего особенно «странного» в падении Гришина-Алмазова увидеть нельзя: никто не в состоянии предвидеть, как сложилась бы судьба генерала в последующих перипетиях Гражданской войны, если бы не его в высшей степени неожиданная и во многом случайная встреча со смертью. Правда, на наш взгляд, заключается в другом: несмотря на высокие посты, которые занимал Алексей Николаевич в течение последнего года своей жизни, он всегда был «свой среди чужих, чужой среди своих». Гришин оставался слишком правым для сибирских и одесских кадетов и слишком левым для кадровых офицеров, без особенного пиетета относившихся к скороспелому производству Алексея Николаевича в генералы и видевших в нем чуть ли не революционера — уж если не по политическим убеждениям, то по духу. Каких в действительности политических взглядов придерживался Гришин-Алмазов — «откровенно монархических», по мнению иркутского ученого П. А. Новикова¹¹, или же просто «умеренных», по аттестации канадского исследователя Нормана Перейры¹², — ответить достаточно трудно. Очевидно, однако, что А. Н. Гришин-Алмазов был непримиримым противником большевизма, отождествлявшегося им с разрушением старой армии и традиционных государственных институтов, убежденным сторонником борьбы с советской властью до победного конца. В этой борьбе Гришин-Алмазов и сложил свою голову.

В отличие от одесского, сибирский период жизни Гришина-Алмазова известен не так хорошо, поэтому большой удачей является удивительная, на наш взгляд, находка, сделанная омским историком Е. Н. Журавлевым, которого в полной мере можно считать соавтором *идеи* настоящей публикации. В архиве Управления ФСБ России по Омской области Евгению Николаевичу удалось обнаружить четыре письма генерала А. Н. Гришина-Алмазова, адресованные его супруге Марии Александровне Гришиной-Алмазовой, — письма эти не только никогда не публиковались, но и сам факт существования их прежде не был известен специалистам. Свое открытие Е. Н. Журавлев представил научному сообществу 12 ноября 2014 г. в рамках доклада, зачитанного на проходившей в Омске I Всероссийской научно-практической конференции «Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие». Письма сохранились в качестве вещественных доказательств в составе архивного уголовного дела, возбужденного в январе 1920 г. Чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в отношении М. А. Гришиной-Алмазовой. Найденные источники Е. Н. Журавлев осветил обзорно, сделав большой акцент на содержательном аспекте, отмечая при этом особую ценность писем, как исторического источника¹³.

Выявленные письма, бесспорно, достойны опубликования в полном объеме (в статье Е. Н. Журавлева содержались лишь отдельные отрывки из писем генерала А. Н. Гришина-Алмазова). Публикуемые письма А. Н. Гришина-Алмазова имеют ряд особенностей. Они были написаны в период «омской опалы» генерала, вызванной глубокими внутренними процессами во Временном Сибирском правительстве (официально отставка А. Н. Гришина-Алмазова объяснялась его некорректным поведением в отношении представителей союзного дипломатического корпуса во время банкета в Челябинске в конце лета 1918 г.)¹⁴. По своей фактографической ценности письма эти поистине уникальны и позволяют ответить на целый ряд вопросов, касающихся как политической и общественной жизни белого Омска, так и биографии самого Алексея Николаевича.

Автограф писем весьма необычен и наглядно иллюстрирует то, что написаны они в революционную эпоху: подобно миллионам своих современников, Гришин-Алмазов использовал в ряде случаев одновременно старую и новую орфографию, что объяснимо стремлением к упрощению написания. Послания генерала хотя и имеют сугубо личный характер, но стиль и слог их в ряде мест публицистические, приближающие документы к формату открытого письма. Из посланий становится очевидным, что генерал Гришин-Алмазов хотел использовать супругу в качестве своего агента влияния в Омске. Отдельные абзацы и слова в тексте писем выделены подчеркиванием — несомненно, для привлечения внимания читающей письма супруги; подчеркивания, безусловно, сделаны самим А. Н. Гришиным-Алмазовым.

Благодаря письмам мы узнаём о круге доверенных лиц А. Н. Гришина-Алмазова; среди них выделяются лица, хорошо известные в политических кругах белого Омска: министр финансов и «серый кардинал омской политики» И. А. Михайлов, министр народного просвещения В. В. Сапожников, генерал-лейтенант В. Г. Болдырев.

Вызывает интерес манера автора писем обращаться к супруге. В традициях того времени он называет ее подчас весьма интимно (Мушуня, Мушунчик, Мушинька), возвышенно (на «вы»), но в то же время в отдельных фрагментах одного и того же письма (отмечая, например, какие-либо бытовые аспекты) Алексей Николаевич буднично обращается к супруге на «ты».

Рассказ о публикуемых письмах, безусловно, будет выглядеть неполным, если мы обойдем вниманием и адресата писем Гришина-Алмазова — его жену. Мария Александровна Гришина-Алмазова (урожденная Захарова, в замужестве до лета 1918 г. — Гришина, с лета 1918 г. — Гришина-Алмазова, с начала 1920-х гг. — Михайлова) (1891–1976), уроженка Томской губернии. В начале 1910-х гг. Мария Александровна была шансонеткой в Хабаровске, где и состоялось ее знакомство с будущим мужем, с которым она сочеталась, как говорили в ту пору, законным браком — видимо, незадолго до начала Великой войны. В период Первой мировой войны, сопровождая супруга, находилась в действующей армии, где, как гражданское лицо, принимала участие в эвакуации раненых с передовой, чем заслужила большое уважение в офицерской среде. В 1918–1919 гг. жила в Омске, в бывшем здании Военного собрания, где находилось тогда Военное министерство (ныне Омский областной дом ветеранов). В антибольшевистский период Гришина-Алмазова организовала на своей квартире аристократический салон,

была дружна с А. В. Тимиревой и знакома с адмиралом А. В. Колчаком. Участвовала в благотворительности.

Благодаря анализу писем открывается крайне деликатный момент в отношениях генерала с его женой. Так, в письмах А. Н. Гришин-Алмазов убедительно просит супругу хранить ему верность. Вообще сам тон писем позволяет говорить о том, что генерал не только любил жену, но и воспринимал ее как своего преданного единомышленника и друга; в том, что Мария Александровна разделяет его политические взгляды, Алексей Николаевич, видимо, не сомневался. Однако, как указывает в своих дневниковых записях полковник И. С. Ильин, вскоре после отъезда мужа Мария Александровна стала открыто жить с И. А. Михайловым; к слову, судя по переписке ближайшего приятеля Гришина-Алмазова, осуждения общества влюбленные, видимо, не боялись. На страницах дневника Ильина можно найти необычайно колоритную, хотя, вероятно, и субъективную характеристику М. А. Гришиной-Алмазовой: «В омских салонах блистает мадам Гришина-Алмазова. Сам генерал уехал на юг, говорят, что его удалению немало способствовали англичане, которые на него точили зубы после его речи на челябинском обеде, на котором присутствовал и я. Уже когда все порядочно подвыпили, казаки начали плясать, Гришин встал и своим громовым голосом сказал речь, посвященную союзникам, причем англичан упрекнул в предательстве и заявил, что все равно они без России не обойдутся. Мы все были смущены, но думали, что обойдется, так как английский консул ни слова не говорил по-русски, да и все были порядочно нагрузившись. Но, оказывается, англичанин на другой же день сообщил о речи Сибирскому правительству и выразил претензию и неудовольствие. Гришина-Алмазова же осталась в Омске и открыто живет с министром финансов Михайловым. Женщина она необычайно эффектная, высокая, красивая. Кричаще одевается в великолепные открытые платья, показывая свое красивое тело — грудь и спину обнажая елико возможно. В пышных волосах колышутся букетом перья “паради”. Пьет Гришина гомерически и может выпить бутылку, а то и две, водки, и хоть бы что! Укладывает любого мужчину! Это старое воспитание. На Дальнем Востоке ее многие знали до войны, когда она была шансонеткой на подмостках хабаровского шантана. И за удивительную способность поглощать спиртные напитки ее звали “Манькой Мокрой” — очень поэтическое название для будущей любовницы, а может быть и жены Минфина. Но в общем говорят, что она — хороший человек и умная женщина. Что она умна — это, конечно, не подлежит сомнению»¹⁵.

Подтверждение словам И. С. Ильина мы находим и в сохранившихся отдельных фрагментах дневника Марии Александровны (записи от 16 ноября 1918 г. и 1 июля 1919 г.), позволяющих судить о ее бурном романе с И. А. Михайловым. Из дневника следует, что М. А. Гришина-Алмазова допускала и некие сомнения в искренности любви мужа к ней (записи от 16 ноября 1918 г.)¹⁶. В свою очередь, из писем Алексея Николаевича к супруге можно заключить, что генерал, видимо, когда-то давал своей половине поводы для ревности и теперь настойчиво заверял ее в «вечной любви», умоляя Марию Александровну «вести себя очень хорошо» (письмо от 5 октября 1918 г.). Как бы то ни было, но очевидно, что Мария Александровна — то ли в силу каких-то былых прегрешений супруга, то ли потому, что просто разлюбила Гришина-Алмазова — не считала себя связанной по отношению

к мужу какими-то моральными обязательствами, полагая, что «семейная лодка разбилась о быт».

Жизнь М. А. Гришиной-Алмазовой в белом Омске протекала весьма спокойно. С 1 октября 1919 г. она получала пенсию, назначенную Советом министров по случаю смерти мужа. 11 ноября 1919 г., в дни общего отступления колчаковцев, Мария Александровна эвакуировалась из Омска и последовала в Иркутск в поезде Верховного правителя. В период агонии белого Восточного фронта вдова одесского диктатора проживала в Иркутске, где 8 января 1920 г. была арестована Политцентром и помещена в Иркутскую губернскую тюрьму вместе с А. В. Колчаком и А. В. Тимиревой.

Будучи в заключении, М. А. Гришина-Алмазова перенесла тиф. Находясь под следствием, она обвинялась в укрывательстве бывшего министра финансов И. А. Михайлова (вины не признала). Во время суда над колчаковскими министрами Мария Александровна была оправдана и предстала на процессе лишь в качестве свидетеля. Постановлением Иркутской губЧК от 3 мая 1920 г. по первомайской амнистии она была отпущена на свободу под подписку о невыезде. Менее чем через два месяца, по постановлению Представителя ВЧК и Особого отдела ВЧК И. П. Павлуновского от 23 июня 1920 г. (без ссылки на закон), Гришина-Алмазова вновь была арестована и заключена в лагерь сроком на пять лет без права применения к ней амнистии и без права работ вне лагеря.

Но на свободу Гришина-Алмазова вышла уже очень скоро — по ноябрьской амнистии 1920 г. После освобождения Мария Александровна эмигрировала в Китай, где написала записки о последних днях жизни А. В. Колчака, изданные в феврале 1921 г. в Харбине в газете «Русский голос»¹⁷. Там же, в Харбине, М. А. Гришина-Алмазова и И. А. Михайлов заключили брак. В этом браке у них родился сын Георгий (впоследствии американский журналист). В начале 1940-х гг. супруг оставил Марию Александровну, уйдя к Алле Николаевне Казагранди. После 1945 г. Мария Александровна Михайлова переехала в США, где скончалась в Сан-Франциско.

Заключением прокуратуры Омской области от 17 июня 1992 г. вдова двух выдающихся политических деятелей антибольшевистского Омска была полностью оправдана и реабилитирована на основании Закона РСФСР от 18 октября 1992 г. «О реабилитации жертв политических репрессий»¹⁸.

Тексты публикуемых писем оформлены в архивоведческой традиции и в соответствии с современными правилами литературного русского языка. При этом сохранены текстологические особенности источников (например, умышленные написания отдельных слов с заглавной или строчной буквы, некоторые знаки препинания), что важно для научной интерпретации писем. Название публикации принадлежит ее авторам.

№ 1

Уфа

25 сентября 1918 г.

Моя милая, дорогая, любимая Мушинька,

Сие мое письмо передаст вам офицер из штаба армии — шт[абс-]капитан Окунев¹⁹, который должен вам же передать пять тысяч рублей на всякий пожарный случай.

Доехал я вполне благополучно; перед Челябинском через каждую станцию городскую поезд останавливали в пути и рыскали по вагонам, проверяя документы и освещая физиономии каждого пассажира свечой.

Я надел пенсне и искривил физиономию так, что они меня не узнали. В Челябинске мы переночевали у офицеров мне сочувствующих и выехали в Уфу. От Челябинска до Уфы мы проехали [за] шестнадцать часов; в купе второго класса нас было все время четверо — случай небывалый! Сейчас в Уфе я живу с Павлом Николаевичем [Зубовым]²⁰ в прекрасной комнате, отведенной мне комендантом. В Уфе мою фамилию знает каждая собака, причем у меня создалось впечатление, что здесь в России я пользуюсь большей популярностью, чем в Сибири. Болдырев встретил меня чрезвычайно сердечно, наговорил мне массу приятных вещей, но из разговора с ним я выяснил, что доверить мне высокий пост он боится, так [как] положение его и всего правительства очень неустойчивое. По его совету я и решил поехать в армию ген[ерала] Алексеева. Он надеется, что к возвращению моему все уладится и тогда обещает мне пост по его выражению: «соответствующий моим заслугам и таланту», а я думаю и даже уверен, что значительно ранее моего возвращения это правительство полетит.

Относительно Иванова и Белова можно быть совершенно спокойными. Всё без исключений правительство_[1] в особенности Болдырев_[1] вполне отдают себе отчет в том, что они собою представляют и при первой возможности избавятся от них. События в Сибири страшно перепугали всё правительство_[1] и они чувствуют себя совершенно беспомощными и_[1] чувствуя необходимость переезда в Омск_[1] определенно боятся его, ибо при их бессилии им страшен не только Иванов, но и Волков.

Я со своей стороны сделал всё, что мог, чтобы окончательно обрисовать Иванова и Белова; Болдырев отнесся к моему рассказу чрезвычайно внимательно, задавая вопросы_[1] и я постарался его убедить какой мерзавец Иванов и Белов. Вопрос об их удалении можно считать уже окончательно решенным; Болдырев, как человек в высшей степени осторожный_[1] хочет сделать это без шума и наверняка.

Сие письмо черными чернилами я пишу уже на новой квартире — меня комендант переселил в великолепный номер гостиницы «Россия». Вообще почтение ко мне здесь в Уфе не меньше, чем в Омске.

Настроение общественных кругов к новому правительству безразличное и скептическое; офицерство относится отрицательно к нему_[1] и все надежды возлагает на меня и на Генерала Алексеева.

По приезду сюда я нашел в телефонной книжке Константина Ивановича Андрюкова, позвонил ему и узнал от него, что вся семья Симы уже давно живет в Уфе у них в доме. Они страшно бедствуют, Тата умирает от тифа, я ему сказал, что я вряд ли к ним зайду, но вечером после того, как она по мне несколько раз присылала_[1] я к ним пошел. Обстановка, в которой они живут_[1] ужасная — мезонин, две маленькие комнатки с низкими потолками, вонючие; Николай Иванович получает 180 р[ублей]²¹ пенсии,

проигрывает все вещи, Сима бежит по урокам, получает 270 р[ублей] в месяц, сама готовит, стирает белье, Женя моет полы; настроение у них совершенно убитое и когда я им первым делом устроил из-за нас драму, совершенно серьезно сказав, что я пришел к ним лишь потому, что Тата умирает,²¹ и они в таком бедственном, то все поплакали и решили и уверяли меня, что во всем виновата Лида и Мать (она живет в Саратове). Насколько это искренне [—] трудно сказать, во всяком случае,²¹ между Симой и мной нет прежних отношений до тех пор,²¹ пока Вы, Мушунчик, не простите им, дети же меня уверяют, что они всегда нас очень любили, но может быть, это просто так им кажется. Приходить к ним обедать и так далее я категорически отказался, был за это время два раза и то из-за Таты, которую мне очень жалко. Николай Иванович стал скелетом — на него страшно смотреть, ходит с палкой, совсем старик. Сима худее тебя, руки как у кухарки, не одевается, не причесывается. В комнате грязь и беспорядок. Все более или менее ценные вещи проданы. Я дал Симе займы 250 р[ублей] на лечение Таты, а детям по 25 р[ублей] на подарки. Симе и Николаю Ивановичу, конечно, никаких подарков делать не буду. Впечатление от посещения их — гнетущее; сами они напишут Тебе о том, чтобы Ты их простила, то из жалости можно их простить. Женя учится в мужской²² гимназии, Леша [—] в реальном [училище]. Дети выросли мало, от Таты осталась одна тень, доктор говорит, что, вероятно, помрет²³.

Про Вас я им сказал, что Вы [—] самый дорогой мне человек, что только благодаря Вам я стал человеком; вообще, милый Мушунчик, Вы можете быть спокойны,²¹ я вел себя с ними так, что они вполне поняли, что я Вас люблю больше всех на свете.

Задержался я здесь в Уфе,²¹ потому что мой попутчик в армию Алексева уезжает числа первого [октября]. Зубова я с собой не беру, так как он здесь нужен. У Алексева я буду встречен хорошо, так как приехавший оттуда офицер говорит, что там меня знают; кроме того я собой повезу письмо от близко стоящего к Алексеву человека.

Поеду я не через большевиков, так что Вы, Мушунчик, особенно не беспокойтесь. Если Вам перестанут давать жалованье — немедленно напишите прошение прямо Болдыреву.

Дела у меня здесь масса; с утра ко мне приходят разные люди; все мною интересуются, все надеются на то, что из армии Алексева придет спасение России.

Очень прошу Вас, Мушунчик, способствовать тому, чтобы мое имя не заглохло, — заводите знакомства, участвуйте в благотворительных вечерах, но только при обязательном условии — никого не марьяйте и очень меня любите.

Всем говорите, что мое путешествие очень опасное, как я люблю Россию и т. д.²⁴ Надо торопиться кончать письмо.

Пришли мне на имя Едлина телеграмму в Оренбург²⁵,²¹ получила ли деньги и все ли благополучно.

К 6-му октября пошли телеграмму в Гурьев²⁶ — все ли благополучно и как живешь.

Вам буду писать и телеграфировать по возможности. Очень, очень Вас люблю и к себе в Ставрополь жду!

Крепко Вас целую, моя миленькая, дорогая и любименькая.

Любящий Вас Гришин-Алмазов

Источник: Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–4413. Л. 100–104.
Рукопись. Подлинник. Подпись — автограф.

№ 2

Уфа

29 сентября 1918 г.

Моя милая и дорогая Мушуня!

Уже после того, как я запечатал мое первое письмо^[1], я узнал от верного человека, что Болдырев и все директоры²⁷ так испугались Иванова, что сместить его не решается. Вся территория освобожденной России разделяется на два округа — Сибирский — все, что к востоку от Челабы²⁸ и другой — названия не знаю к западу от Челабы. Первым будет командовать Иванов, вторым — Галкин.

Беспомощность Болдырева и всей директории доходит до комизма; они всего и везде боятся.

По поводу общего командования они не могут ни до чего договориться с чехами; во вторник сюда приедут чехи для переговоров и Болдырев «надеется» уговорить их, чтобы общий главнокомандующий был чех, но чтобы он был подчинен хоть слегка (!) Болдыреву, как члену директории. Из разговоров буквально со всеми общественными группировками, я вынес впечатление, что новое правительство вызывает к себе насмешливое отношение; до сих пор ни директорией, ни Болдыревым не сделано ничего^[1] и никто от них ничего не ожидает. Тем не менее до появления генерала Алексеева, как диктатора, во избежание могущих быть и даже назревающих авантур, следует признать и всемерно поддерживать²⁹ существующее Всероссийское Правительство. К моменту появления Армии генерала Алексеева будет подготовлен безболезненный и эволюционного характера переход к Военной Диктатуре Генерала Алексеева³⁰. Партию, образуемую Савинковым (она называется Русская национальная партия)^[1] я считаю вполне (но пока) соответствующую нашим задачам.

Многую разработан и будет приведен в исполнение план связи с армией Генерала Алексеева, который нам будет давать возможность сноситься довольно быстро по телеграфу. Переезд правительства в Екатеринбург откладывается, т[ак] к[ак] чехословаки не ручаются, за его целость. Есть предположение поселиться в Кургане (!?). Как и во всем директория до сих пор не может решиться на окончательное разрешение вопроса о своей резиденции.

Съезд членов Учредительного Собрания был очень торжественный; вид у них победоносный. Им ассигновано десять миллионов на созыв к 1 января Учредительного Собрания. В настоящее время, членов У[чредительного] С[обрания] налицо — 152.

В месте резиденции правительства Савинков, Белоруссов, Синегуб и прочие сотрудники «Русских Ведомостей» будут издавать газету, которая будет проводить идеи Русской Национальной партии.

Отъезжая в трудный путь к генералу Алексееву я от всей души желаю всего наилучшего Ивану Андриановичу [Михайлову] и всем моим друзьям — Бурову, Рытову. Письмо это дай прочесть всем моим единомышленникам, по возможности большему кругу, но надежным.

Гришин-Алмазов

Источник: Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–4413. Л. 131–132.
Рукопись. Подлинник. Подпись — автограф.

№ 3

Оренбург

5 октября 1918 г.

Моя миленькая, дорогая и любименькая Мушинька!

Вчера ночью экстренным поездом я приехал сюда в Оренбург и, несмотря на то, что поезд прибыл в четыре часа^[1] меня встретил комендант города, начальник милиции и еще какие-то типы; был выслан автомобиль и отведен шикарный номер в Центральной гостинице.

Сегодня я обедал у Дутова, после обеда катался с ним по городу на автомобиле, он мне показывал воинские части, причем я с ними здоровался.

Отношение без исключения всех высших начальствующих лиц ко мне здесь вполне определенно доброжелательное; Иванова здесь знают лучше, чем в Омске и он здесь является фигурой комической.

К Директории и^[1] в частности^[1] к Болдыреву отношение отрицательное; все ждут спасения от Армии Алексеева, в нее верят и на нее надеются. К Дутову, против моих ожиданий и вопреки распространяемым слухам, отношение казаков в высшей степени хорошее. Здесь сейчас идет большой круг, он постановил выразить полное доверие Дутову и не производить перевыборов атамана.

По словам Дутова и его помощников^[1] мое имя популярно среди казаков, как генерала, не дающего в обиду иностранцам Россию. Вообще мое пребывание в Оренбурге, хотя и весьма недолгое, оставило у меня очень хорошее впечатление. Здесь впервые после моего свержения я не должен был ни от кого скрываться и чувствовал со всех сторон к себе полное внимание и уважение.

Так как от Оренбурга до Уральска нет дороги, годной для автомобильного движения, то мы едем обратно до Бузулука экстренным поездом, а оттуда на автомобиле [—] до Уральска, там пробудем около суток, затем на автомобиле [поедем] до Гурьева и потом морем [—] до одной из пристаней Северного Кавказа.

Я купил себе здесь совершенно новую овчинную шубу за 250 рублей — вообще цены на все здесь значительно ниже омских, город совершенно не перегружен.

Очень был огорчен, милая Мушуня, что не получил от Вас здесь телеграммы. Я просил Вас телеграфировать сюда до востребования Едлину^[1] получили ли Вы посланные мною из Уфы со штабс-капитаном Окуневым пять тысяч рублей. Сейчас опять послал Вам телеграмму срочную о том, чтобы Вы мне телеграфировали в Гурьев^[1] до востребования^[1] Едлину о том же. Я очень боюсь^[1] не обижают ли Вас там, миленький Мушунчик, не забудьте, что в случае, если Вам что-то понадобится, Вы можете обращаться, помимо Ивана Адриановича [Михайлова], еще к Василию Васильевичу Сапожникову и даже к Болдыреву (генерал-лейтенант, Василий Георгиевич)^[1] так как он, по-видимому, чувствует себя передо мною обязанным. Я все-таки надеюсь, что мне удастся установить связь между армией Алексеева и внешним миром. Об этом я напишу из Гурьева. Тогда хоть изредка, я буду иметь возможность давать о себе знать и получать от Вас весточку.

В случае нужды в чем бы то ни было обращайтесь также к Павлу Николаевичу Зубову. Его адрес: Екатеринбург, Коковинская³¹, 14, Юрию Ильичу Крыжановскому.

Очень Вас прошу, дорогой Мушунчик, ведите себя очень хорошо и не забывайте меня; я же клянусь, что Вас буду вечно любить и вести себя так же, как и при Вас.

Отправляюсь я в дальний и опасный путь с полной верой в то, что я делаю большое государственное дело и, Бог даст, мне удастся довести его до конца.

В Уфе у меня завязались очень хорошие отношения с епископом Андреем, на прощанье он посетил меня, мы вместе с ним помолились, и он передал мне и Генералу Алексееву по кресту в благословение.

Очень Вас прошу, Мушунчика, ответить без злобы на письмо Симы; если бы Ты увидела^[1] какие они все несчастные, Ты бы их простила. Если они и были неправы к нам, то теперь, по-видимому, они вполне искренне, хотят помириться. Мое пребывание в Уфе принесло им счастье — Николай Иванович нашел место, Тата стала поправляться.

Впредь до переезда за границу буду Вам писать из каждого города.

Будьте здоровы, моя миленькая Мушунчика, любите меня, молитесь за меня и верьте, что наступят дни, когда правда восторжествует и мы снова заживем весело и хорошо.

Я отдал распоряжение, чтобы в газетах, ведя кампанию за Алексеева^[1] все время связывали мое имя³² с ним. Если они этого делать не будут — пристыдите их и настаивайте на моей воле³³.

Крепко, крепко целую Вас, моя дорогая, любимая, очень, очень Вас люблю.

Любящий Вас Гришин-Алмазов

Источник: Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–4413. Л. 105–106 об. Рукопись. Подлинник. Подпись — автограф.

№ 4

Порт Петровск³⁴
Кавказ

21 октября 1918 г.

Моя милая, дорогая и любимая Мушунчика, шлю Вам привет с поцелуем из погибельного Кавказа с берегов Каспийского моря и еще шлю Вам с любовью низкий поклон. Из моего прошлого письма вы должны знать, что поехал я сюда на пароходе «Горизонт» и шли мы по морю около двух суток. В середине пути началась очень сильная качка, что это за удовольствие Вы должны знать по своему путешествию в Японию; всех укачало, я же назло всем стихиям чувствовал себя прекрасно. Здесь в Петровске я был встречен с почетом местным главковерхом³⁵ полковником Бичераховым³⁶ и меня расхватывали на части местные политические деятели, т[ак] к[ак] никто из них ничего не знал про Российские и Сибирские дела. Осматривал город, он расположен в горах и очень смешной — совсем не похож на города России, Сибири или Крыма. Письмо сие я пишу на пароходе «Туркмен», куда я переселился непосредственно с «Горизонта», этот пароход повезет меня на пристань «Старо-Теречную»³⁷ (у впадения Терека в Каспийское море), отсюда частью на лошадях, частью по железной дороге я поеду

в г[ород] Моздок, а потом верхом по горам с конвоем казаков будем пробиваться через большевистский фронт.

Меня очень беспокоит Ваше финансовое положение — повтор[юсь]³⁸ на всякий случай в миллионный раз, что если Вы не получили посланных мною пяти тысяч рублей, то вам следует обратиться к Павлу Николаевичу Зубову, при котором я передал эти деньги штабс-капитану Окуневу из управления начальника инженеров армии. Адрес Зубова Вы должны знать, а если не знаете — дом скажет Дмитрий Иванович³⁹.

После этого письмеца будет, вероятно, очень большой перерыв — может быть месяц или даже два, так как я буду от Вас совершенно оторван большевистским фронтом. Очень Вас прошу, моя любимая Мушуничка, не думать, что я Вас забыл или разлюбил, также не верьте могущим быть слухам о том, что я убит, так как эти слухи будут распускаться или моими врагами или даже мною по тактическим соображениям придется муссировать такой слух.

Погода здесь стоит очень жаркая, хотя большинство деревьев уже облетело. Цены здесь невероятные — фунт хлеба стоит 14 рублей, товаров абсолютно нет никаких кроме фруктов и винограда, который по 4 рубля фунт покупаю и Вас_[1] Мушунчик_[1] со слезами вспоминаю.

Если бы [Временное] Сибирское правительство перестало Вам выдавать мое жалованье, то напишите об этом Зубову, чтобы мой заместитель⁴⁰ давал Вам средства к жизни. По приезде в Добровольческую Армию я буду оттуда посылать часто нарочных и_[1] если будет хоть какая[-то]⁴¹ возможность_[1] посылать с ними Вам денег. Но рассчи[ты] вать⁴² на это нельзя, так как путь пока настолько [тру]ден⁴³ и рискован, что посылать деньги очень опасно. Имейте в виду, что у моих друзей, с которыми связан Зубов_[1] денег достаточно и они обязаны⁴⁴ обеспечить Вам существование.

Передайте мой сердечный привет Ивану Адриановичу [Михайлову] и скажите ему, что я был очень обрадован_[1] когда получил сведения о том, что он решил работать вместе с нами. Также передайте мой сердечный привет Дмитрию Ивановичу и всем моим друзьям.

Здесь я узнал весть очень меня огорчившую — Генерал Алексеев умер 10 октября [1918 г.] от крупозного воспаления легких, его заместитель — Генерал Деникин. Хотя по существу от этой смерти ничего не изменилось, но жаль такого честного человека. Сведений об армии Алексеева здесь почти нет никаких, так как непрерывный большевистский фронт — Святой Крест⁴⁵, Георгиевск, Минеральные воды, Курсавка⁴⁶, Кисловодск, — отрывает ее от остального Кавказа.

До свидания моя милая, любимая Мушуничка, любите меня_[1] и Вас я также буду любить. Пишите по адресу: Гурьев Уральской обл[асти] Генералу Толстову⁴⁷, а внутри на другом конверте пишите: для передачи Ген[ерал]-м[айору] Гришину-Алмазову.

Крепко, крепко Вас целую_[1] моя любимая

Любящий Вас Леля⁴⁸

Источник: Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–4413. Л. 134–135. Рукопись. Подлинник. Подпись — автограф.

За содействие при подготовке данных писем к печати публикаторы выражают благодарность сотрудникам архива Управления ФСБ России по Омской области, а также кандидату исторических наук Максиму Максимовичу Стельмаку (Омск).

¹ Пученков А. С.: 1) Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 190–237; 2) «Одесский Наполеон»: Из биографии А. Н. Гришина-Алмазова // Гражданская война на Востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конференции с междунар. участием (Омск, 25–26 октября 2017 г.). Омск, 2017. С. 282–291.

² Булдаков В. П. Прошлое не уходит // Российская история. 2015. № 1. С. 167.

³ См. об этом: Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2012. С. 388.

⁴ В Уфе Гришин-Алмазов заручился поддержкой генерала Д. А. Лебедева, составившего по просьбе Алексея Николаевича рекомендательное письмо на имя А. Г. Шапрона дю Ларре, адъютанта генерала М. В. Алексеева. Один из самых известных в будущем колчаковских военачальников уведомлял Алексея Генриховича: «[Гришин] целиком стоит на идеях Добровольческой армии. Я с ним договорился до конца и прошу тебя вступить с ним в дела, доверяя ему безусловно и во всем. Прошу тебя познакомить его со всеми и рекомендовать, имея в виду, что это один из самых крупных и популярных деятелей Сибири, особенно в кругах военных и не-социалистических. Доложи о нем генералу Алексееву, тонко указав, что он крупная величина, пользуется здесь большим доверием» (Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 286. Л. 1. Письмо Д. А. Лебедева. 31 сентября 1918 г.).

⁵ О Яском совещании см.: Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года... С. 190–202.

⁶ Как побороть большевизм // Одесский листок. 1918. 17 (4) дек.

⁷ Там же.

⁸ «Сам он своей внешностью и характером речи очень напоминал всероссийского говоруна Александра Федоровича Керенского. Но нельзя было от него отнять его энергии и отстаивания достоинства Добровольческой армии перед французским командованием, что и повлекло за собой неожиданную высылку его этим командованием из Одессы», — вспоминал доброволец полковник К. Л. Капнин (ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 385. Капнин К. Воспоминания, 1917–1920 гг. Л. 11).

⁹ Ивлев М. Н. Диктатор Одессы. Зигзаги судьбы белого генерала. М., 2013. С. 185.

¹⁰ Шишкин В. И. Командующий Сибирской армией А. Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.): сб. науч. ст. / науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 126.

¹¹ Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 80.

¹² Перейра Н. Г. О. Сибирь: Политика и общество в гражданской войне. М., 1996. С. 77.

¹³ Журавлев Е. Н. Частная переписка А. Н. Гришина-Алмазова в фондах архива Управления ФСБ России по Омской области // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы Всерос. науч.-практ. конференции (Омск, 12–13 ноября 2014 г.). Омск, 2015. С. 43–46.

¹⁴ См. об этом: Стельмак М. М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 — декабрь 1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. С. 194. — «Ужин был обильный. Против каждого прибора было меню и бутоньерка живых цветов. Много говорили речей. Гришин-Алмазов под конец сказал резкую речь против союзников и особенно против англичан. Казаки под конец пустились в пляс, потом пели песни. И Гришин, и казаки говорили, что с эсерами Сибири не по пути. Уже когда светило солнце, мы все вышли гурыбой. Гришин-Алмазов сел в автомобиль и, указывая на национальный флажок на радиаторе, громко закричал: “У меня никогда не будет красной тряпки”, — записывал в своем дневнике свидетель памятного банкета полковник И. С. Ильин (Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина 1914–1920 / вступ. статья В. Жобер; примеч. В. Жобер, К. Чащин. М., 2016. Дневниковая запись от 25 августа 1918 г. С. 307). Подробнее о внешней политике антибольшевистских правительств Сибири см.: Базанов П. Н., Пученков А. С. «Правитель

омский» и его дипломатия // Российская история. 2018. № 2. С. 189–192; *Стрелков И. П.* Внешнеполитическое ведомство ранних антибольшевистских правительств: Самара, Архангельск, Омск // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 1. С. 49–52; *Шмелев А. В.* Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). СПб., 2017; *Стельмак М. М.* Нота Верховного совета Антанты Российскому правительству А. В. Колчака: вопросы признания Омского правительства летом 1919 г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 1. С. 22–27.

¹⁵ Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина 1914–1920... Дневниковая запись от 10 ноября 1918 г. С. 343. — Схожим образом о политической жизни в Омске в то время говорит генерал А. М. Поспеев. См. об этом: *Петин Д. И.* Генерал-майор А. М. Поспеев: страницы служебной деятельности // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 2. С. 389.

¹⁶ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–4413. Л. 127 об., 128 об., 130.

¹⁷ *Гришина-Алмазова М. А.* Колчак и Пепеляев в тюрьме // Русский голос. Харбин. 1921. 6 февр.

¹⁸ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–4413. Л. 6–8, 28–33, 36–37, 43–43 об., 46–48, 73–74, 77, 79–82, 85, 96–96 об., 96А–97, 133, 137–137 об., 139.

¹⁹ Личность не установлена.

²⁰ Личность не установлена.

²¹ Здесь и далее денежные суммы указаны, очевиднее всего, в кредитных билетах дореволюционных выпусков, составлявших на тот момент основу бумажноденежной массы, находившейся в обращении. Эмиссия их значительно возросла с началом Первой мировой войны и была активно продолжена Временным правительством, а затем и большевиками (см., напр.: *Ходяков М. В.* Деньги революции и гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб., 2009. С. 15–22).

²² Подчеркнуто в тексте.

²³ Николай Иванович, Сима, Тата, Женя, Леша — личности не установлены.

²⁴ Данные абзацы так выделены в тексте.

²⁵ Подчеркнуто в тексте.

²⁶ Подчеркнуто в тексте. Гурьев — ныне город Атырау (Республика Казахстан).

²⁷ Имеются в виду члены Директории.

²⁸ Челаба — устаревшее дореволюционное название современного Челябинска.

²⁹ Подчеркнуто в тексте.

³⁰ Подробнее об участии генерала М. В. Алексеева в Гражданской войне: *Богомазов Н. И., Пученков А. С.* Основоположник Белого движения // Российская история. 2016. № 6. С. 190–196.

³¹ Ныне улица Шейнкмана.

³² Подчеркнуто в тексте.

³³ Данный абзац так выделен в тексте.

³⁴ Петровск (Петровск-Порт) — ныне город Махачкала.

³⁵ Имеется в виду «главнокомандующим».

³⁶ Бичерахов Лазарь Федорович (15(27).11.1882–22.06.1952) — русский офицер осетинского происхождения, участник Первой мировой войны. Генерал-майор Великобритании (1918). Активный участник Гражданской войны в России. Один военных лидеров антибольшевистского движения на Северном Кавказе и в Закавказье.

³⁷ Ныне село Старо-Теречное в Кизлярском районе Республики Дагестан.

³⁸ Угол письма оторван. Фрагмент письма утрачен.

³⁹ Личность не установлена.

⁴⁰ Подчеркнуто в тексте.

⁴¹ Угол листа оторван. Фрагмент письма утрачен.

⁴² Угол листа оторван. Фрагмент письма утрачен.

⁴³ Угол листа оторван. Фрагмент письма утрачен.

⁴⁴ Подчеркнуто в тексте.

⁴⁵ Ныне город Буденновск Ставропольского края.

⁴⁶ Ныне село Курсавка — административный центр Андроповского района Ставропольского края.

⁴⁷ Толстов Владимир Сергеевич (7(19).07.1884–1956) — русский военный деятель, генерал-лейтенант, участник Первой мировой войны. Активный участник Гражданской войны в России. Один военных лидеров антибольшевистского движения на Урале. Войсковой атаман Уральского казачьего войска. Командующий Уральской армии.

⁴⁸ Так в семейном обиходе А.Н.Гришина-Алмазова называла его супруга, что подтверждается дошедшими до нас фрагментами дневника М.А.Гришиной-Алмазовой (Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД, П–4413. Л. 126, 128 об.).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пученков А. С., Сушко А. В., Петин Д. И. «Всем говорите, что мое путешествие очень опасное...»: письма генерала А. Н. Гришина-Алмазова его супруге (осень 1918 г.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 1058–1073. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.419>

УДК 93/94+929+930.2

Сведения об авторах: Пученков А. С. — д-р ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); a.puchenkov@spbu.ru | Сушко А. В. — д-р ист. наук, проф., Омский государственный технический университет (Омск, Россия); alexsushko@rambler.ru | Петин Д. И. — канд. ист. наук, доц., Омский государственный технический университет; главный архивист, Исторический архив Омской области (Омск, Россия); dimario86@rambler.ru

FOR CITATION

Puchenkov A. S., Sushko A. V., Petin D. I. “‘Say Everyone That My Journey is Very Dangerous...’”: Letters of General A. N. Grishin-Almazov to his Wife (Autumn 1918)’, *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 4, 2018, pp. 1058–1073. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.419> (In Russian)

Authors: Puchenkov A. S. — Doctor of History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); a.puchenkov@spbu.ru | Sushko A. V. — Doctor of History, Professor, Omsk State Technical University (Omsk, Russia); alexsushko@rambler.ru | Petin D. I. — Candidate of History, Associate Professor, Omsk State Technical University; Chief Archivist, Historical archive of Omsk region (Omsk, Russia); dimario86@rambler.ru

References:

- Bazanov P. N., Puchenkov A. S. “‘Pravitel omskiy” i ego diplomatiya’, *Rossiyskaia istoria*, no. 2, 2018.
- Bogomazov N. I., Puchenkov A. S. ‘Osnovopolozhnik Belogo dvizhenia’, *Rossiyskaia istoria*, no. 6, 2016.
- Buldaikov V. P. ‘Proshloe ne ukhodit’, *Rossiyskaia istoria*, no. 1, 2015.
- Ivlev M. N. *Diktator Odessy. Zigzagi sudby belogo generala* (Moscow, 2013).
- Khodjakov M. V. *Dengi revoljutsii i grazhdanskoy voyny: denezhnoe obrashchenie v Rossii. 1917–1920 gg.* (St. Petersburg, 2009).
- Novikov P. A. *Grazhdanskaya voyna v Vostochnoy Sibiri* (Moscow, 2005).
- Pereira N. G. O. *Sibir: Politika i obshchestvo v grazhdanskoy voyne* (Moscow, 1996).
- Petin D. I. ‘General-Major A. M. Pospeev: Pages of Official Activity’, *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 2, 2018.
- Puchenkov A. S. *Ukraina i Krym v 1918 — nachale 1919 goda. Ocherki politicheskoy istorii* (St. Petersburg, 2013).
- Puchenkov A. S. “‘Odesskiy Napoleon”: Iz biografii A. N. Grishina-Almazova’. *Grazhdanskaja vojna na Vostoke Rossii: vzgljad skvoz dokumentalnoe nasledie: mat-ly II Vseros. nauch.-prakt. konferencii s mezhdunar. uchastiem* (Omsk, 25–26 october 2017) (Omsk, 2017).
- Shishkin V. I. ‘Komandujushchij Sibirskoj armiey A. N. Grishin-Almazov: shtrikhi k portretu’, *Kontrevolyucia na vostoke Rossii v period grazhdanskoy voyny (1918–1919 gg.): sb. nauch. st.*, Ed. V. I. Shishkin (Novosibirsk, 2009).
- Shmelev A. V. *Vneshniaya politika pravitelstva admirala Kolchaka (1918–1919 gg.)* (St. Petersburg, 2017).

- Skitania russkogo ofitsera. Dnevnik Iosifa Ilyina 1914–1920*, Intr. V. Jobert, Comm. V. Jobert, K. Chashchin (Moscow, 2016).
- Stelmak M. M. *Obraz inostrannykh soyuznikov antibolshevistskogo dvizhenia v periodicheskoy pechati Zapadnoy Sibiri (maj 1918 — dekabr 1919 gg.)* [Candidate of History Dissertation] (Omsk, 2016).
- Stelmak M. M. 'Nota Verkhovnogo soveta Antanty Rossiyskomu pravitelstvu A. V. Kolchaka: voprosy priznania Omskogo pravitelstva letom 1919 g.', *Omskiy nauchnyi vestnik, Ser. Obshchestvo. Istorija. Sovremennost*, no. 1, 2017.
- Strelkov I. P. 'Vneshnepoliticheskie vedomstva rannikh antibolshevistskikh pravitelstv: Samara, Arhangelsk, Omsk', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 1, 2018.
- Zhuravlev E. N. 'Chastnaya perepiska A. N. Grishina-Almazova v fondakh arkhiva Upravleniya FSB Rossii po Omskoy oblasti', *Grazhdanskaya vojna na vostokey Rossii: obiekivnyi vzgliad skvoz dokumentalnoye nasledie: mat-ly Vseros. nauch.-prakt. konferentsii (Omsk, 12–13 november 2014)* (Omsk, 2015).
- Zyryanov P. N. *Admiral Kolchak, verkhovnyi pravitel Rossii* (Moscow, 2012).